

А. АБРАМОВ
**ПИБЕЛЬ
ШАХМАТ**

ФИЗКУЛЬТИЗДАТЪ МОСКВА 1926

Ал. АБРАМОВ

ГИБЕЛЬ ШАХМАТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЫСШЕГО СОВЕТА
ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ. МОСКВА—1926.

★

В О Е Н Н А Я
Т И П О Г Р А Ф И Я
Гл. Упр. Р.-К. К. А.
Пл. Урицкого, 10.
Главлит № 53449.
Тираж 5.000—3.
Заказ № 266.

1. ГОРДИВ УЗЕЛ ЗАВЯЗЫВАЕТСЯ

По Никитской в этот вечер плыл серый мокрый туман. И может быть поэтому люди чувствовали себя особенно мрачно. Даже самые беззаботные торопливо хлюпали по скользкому троттуару, тая тоскливые мысли о неизбежности промоченных ног. Освещенные окна полуподвалов не вызывали любопытства и никому в голову не пришло остановиться и заглянуть в одно из них..

А заглянув, вы прежде всего увидели бы портрет—огромный и пыльный. Портрет высокого, сутулого человека, задумчиво опершегося на мраморную баллюстраду какого-то изысканного вестибюля. Сзади расстилался, повидимому, старый парк с очень красивой дорожкой, уходящей вглубь. Все это сильно напомнило бы вам аналогичные пейзажи у наших фотографов, но в такие мелочи вдаваться не будем. Рука сутулого, на вид очень почтенного, человека заложена за борт скромного, черного сюртука. Глаза устремлены прямо на вас и кажутся не живыми, почти стеклянными. Выражение лица строгое, хмурое. Нос слегка с горбинкой резко выделяется между выпирающих, широких скул. Подбородок окаймлен небольшой, редкой бородкой. Такие же редкие, подстриженные усы.

А приглядевшись внимательнее, вы увидели бы и оригинал. Та же фигура, сутуло склонившаяся за

столом, покрытым рыжей клеенкой. Та же борода, упрямо дрожащая над рюмкой недопитой „горькой“. Те же скулы, только еще более заострившиеся от лишней тяжести лет.

А если бы можно было прислушаться к его, по-видимому, очень оживленной беседе с человеком, внешность которого живо напомнила бы вам юркие лица аборигенов фондовой биржи, то вы услышали бы конец несколько странного, но имеющего определенный смысл, разговора.

— Ай, профессор, сколько лет вы зря потеряли...

— Но я не мог, понимаете ли, не мог... Я был слишком не уверен в этих людях...

— Что значит люди, когда в ваших руках чистые деньги... Уж поверьте, что если я встретился вам на пути, то так просто все не кончится... Вы еще не знаете всех моих талантов, профессор. Благодаря мне, вы на шумите больше, чем Риза-Хан в Персии или какой-то там Абд-эль-Керим в Марокко... Мир, целый мир перед вами, можно сказать в самых ваших руках, а вы сидите и молчите...

— Я право и не знаю, что и сказать... Понимаете, всю жизнь, целую жизнь работал, никому не предлагал, боялся, что не поймут, не оценят... Да и кому нужен мой труд, моя деятельность?..

— Кому нужен? Да прежде всего нам с вами, профессор. Вы сколько в университете получаете? Полтораста? Я вам гарантирую в пять, в десять, в двадцать раз больше. Чудак вы, профессор, право, когда своей выгоды не понимаете. Ведь, если то, что вы говорите, правда, то ведь вы Наполеоном можете стать, завоевателем... А вы... эх!..

— Я с вами согласен, но что я мог сделать сам?.. Я стар, болен и все прочее...

— Все это ерунда. Завтра же начинаем дело и ручаюсь, что в 24 часа вы станете знаменитостью...

2. ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ АФИШИ

По Арбату, по переулкам, по Петровке, по Мясницкой, Поварской, по Кузнецкому люди с портфелями кожаными и люди просто без портфелей, люди в пальто, в галошах, в ботинках с острыми и тупыми носами, люди с сумками, с чемоданчиками, люди в фуражках, в шляпах, люди в перчатках и с зябнущими, спрятанными в карманы руками, люди, спешащие утром на службу, в магазины, в ларьки и ломбард немножко удивленно, немножко с иронией, но, по существу, с обычным безразличием занятых делом людей, читали афишу.

МАЛЫЙ ЗАЛ КОНСЕРВАТОРИИ

В воскресенье в 2 часа дня

состоится

ПЕРВЫЙ СЕАНС ИГРЫ В ШАХМАТЫ ЕДИНСТВЕННОГО В МИРЕ ШАХМАТНОГО АВТОМАТА

сконструированного по системе проф. Моск. У-та
М. И. Ястребова инженером *Вейблицем* в Нюрнберге.

Автомат играет с любым игроком и безошибочно всегда выигрывает.

На сеанс приглашаются все московские мастера:
Григорьев, Непароков, Берлинский, Зубарев, Селезнев и др.

Вход—1 руб., для членов профсоюзов—50 к.

Администратор А. З. НАХИМСОН.

В этот же день во всех московских газетах было напечатано на последней странице:

ТОТ КТО ЧУДО УВИДЕТЬ РАД— ПОЙДЕТ СМОТРЕТЬ ФЕНОМЕН-АВТОМАТ

а чуть пониже жирно и назойливо возвещалось:

Из отзывов мировой прессы:

„Таймс“.

...Автомат системы проф. Ястребова является совершенством техники и образцом шахматного искусства...

„Матен“.

...Еще никогда в мире не было ничего подобного. Автомат проф. Ястребова играет лучше, чем перво-классные маэстро. Не было случая, чтобы автомат проиграл кому-нибудь...

„Берлинер-Тагеблатт“.

...Шахматный автомат системы проф. Ястребова вызвал удивление и восхищение не только в шахматных, но и в научных кругах...

„Нью-Йорк-Геральд“.

...Ничего подобного мы до сих пор не видели. Лучшие игроки пасуют перед загадочной игрой автомата... Проф. Ястребов действительно создал шедевр техники и шахматного искусства...

На следующий день в очередном номере центральной газеты „Красный Спорт“, являющейся Все-союзным органом по вопросам спорта, заинтриго-

ванные и безразличные, удивленные и скептики, восторженные и насмешники—все могли прочесть сенсационное интервью с профессором Ястребовым:

„Наш сотрудник имел продолжительную беседу с профессором М. И. Ястребовым по поводу его автомата, о котором уже начались разговоры в Московских шахматных кругах.

При этом профессор сообщил следующее:

„Никаких технических данных и каких-либо сведений о конструкции моего шахматного автомата я давать не буду, пока не выяснятся результаты работы его в действии. Могу сказать только, что в данном случае имеет место действительно механизм, а не человек, находящийся в футляре автомата. Я управляю автоматом, только в качестве машиниста или шофера, если хотите. Сам я в шахматы играю плохо, или, вернее, совсем почти не играю. Во всяком случае не только с лучшими московскими игроками, но даже просто с прилично играющими любителями играть не решусь. Мои познания в шахматах ограничиваются лишь элементарным знакомством с ходами и положениями фигур на шахматной доске.

„Как я мог сконструировать автомат, играющий в шахматы, не будучи хорошим игроком? Это загадочное обстоятельство на самом деле совсем не загадочно. Для хорошего математика, знакомого с теорией ходов и сущностью комбинаций в шахматах, не могут оказаться уже столь затруднительными некоторые математические вычисления.

„Об этих вычислениях я, как уже говорил раньше, сообщать пока не собираюсь до того времени, по крайней мере, как найду нужным. Во всяком случае, каждый интересующийся работой моего автомата может прийти и увидеть его воочию в воскресенье, в консерватории.

„Как работает автомат? Никакой человеческой формы и даже отдаленно напоминающего человеческую фигуру облика я ему придавать не собирался. Механизм автомата я заключил в железный футляр, имеющий приблизительно форму параллелепипеда. Автомат снабжен часами и прямоугольным экраном, на котором

за стеклом, после некоторых технических манипуляций, появляются буквы и цифры, указывающие желаемый ход.

„Как я создал автомат? Путем долголетней усидчивой работы. В прошлом году, будучи в служебной командировке в Германии,—я нашел инженера—механика Теодора Вейблида из Нюрнберга, взявшегося осуществить мою идею. Там же и была сконструирована первая модель этого автомата, которую вы и увидите здесь в действии.

„Почему я до сих пор не выступал с идеей шахматного автомата? Отчасти потому, что не мог ее осуществить, отчасти потому, что не имея модели, не мог проверить верности моих математических и технических предположений“.

В заключение проф. Ястребов сообщил, что в связи с предстоящим в Москве II Международным турниром, его автомат должен вызвать особенный интерес, так как, по его мнению, даже первоклассные шахматные игроки не смогут выиграть ни одной партии у его автомата.

В московском шахматном мире этот номер „Красного Спорта“ не создал особой сенсации. Два года назад, во время международного турнира в Москве в 1925 году, московские маэстро впервые встретились с иностранными чемпионами. Впервые Верлинский играл с Капабланкой и Зубарев с Ласкером. И теперь, в 1927 году, их ожидала вторая встреча. Сколько волнений, радости и напряжения подготовительной борьбы! Да разве можно тут думать о каком-то автомате? Разве стоит обращать внимание на изделия досужих профессоров, даже понятия не имеющих, что такое шахматы!

Нет, ирония, только ирония. Афиша с ее „отзывами мировой прессы“—обычное шарлатанство устроителей „гала-концертов“. Безногие офицеры Наполеоновской армии, с трудом запикивающие свои обрубленные тела в механический футляр автомата, давным-давно канули в Лету. Уродливые чудовища

из дерева и железа, обыгрывающие лордов со Стренда и епископов Кентерберийских, встречаются только в кинематографе. Механическая ерунда против Наполеонов и Кантов шахматной доски! Какой-то автомат против мировых чемпионов, гроссмейстеров и маэстро! Какая чушь! Это может вызвать только улыбку.

Но, кроме улыбки, было любопытство. Легкое, слегка удивленное любопытство общепризнанных чемпионов, вызванных на борьбу неизвестной маской...

...А в Лондоне, Париже, Варшаве, Вене, в Нью-Йорке, Софии, Брюсселе не было даже и любопытства. Двадцать шесть самых знаменитых маэстро в этот день еще ничего не слыхали об автомате.

3. МАШИНА ПРОТИВ НАПОЛЕОНОВ

Малый зал Консерватории сконфужен странной тишиной в своих полинялых от старости стенах. Они не видали никогда ничего подобного. Призраки Бетховена, Моцарта, Генделя и Баха, удивленно застывшие в кольцах табачного дыма—курить неожиданно разрешается,—чувствовали себя не совсем удобно. Впервые сознавали, что они здесь чужие.

И в самом деле, какое кому дело до Баха? Бах—декорация. Консерватория—псевдоним места, где можно вдруг увидеть странные, почти необычайные вещи.

Не все ли равно, какая декорация, когда существо из дерева и железа неожиданно побеждает рыцарей международных турниров? Кому нужна эта декорация, когда патентованная защита Алехина оказывается бессильной отвратить гибель? Великолепный панцырь теории дебютов не выдерживает молчаливого натиска автомата. Где уж тут думать о Бетховене и Моцарте?

Странные, непонятные мысли висят в воздухе. Они загадочны и оскорбительны для незримых обитателей старого замка мелодий и звуков. Они таинственны и чудовищно-нелепы, как нелепа и чудовищна эта серая металлическая штука на эстраде на массивной подставке.

Серый металлический идол, узурпировавший место бештейновского рояля. И ни одной мелодии. Ни

одной, даже самой простенькой гаммы. Вообще ни одного звука. Молчание. На маленьком, белом, застекленном прямоугольном экране появляются странные сочетания букв и цифр. Какая-то абракадабра:

Kd2 — f3

или

Ob3 — d5

Что это такое? Бетховен и Бах никогда не играли в шахматы. Может быть тайные знаки масонской ложи или богослужение новой религиозной секты?..

В воздухе дымно. Окурки. Ключки бумаги. Обрывки восклицаний. Потные лбы.

Папироса за папиросой. Шах королю. Конь *f3* на *d4*. Подумать. Пешку вперед. Так. Наспех пол-стакана чаю.

Хищного вида высокий старик любовно гладит серый покров металлического идола. Идол—параллелепипед. Ничего не выражающий, смешной и глупый параллелепипед. Только непрерывно, ход за ходом, меняются цифры и буквы на его стеклянно-белом прямоугольнике—лбе.

Что он делает, этот старик? Может быть машина—шарлатанство? Может быть он просто гениальный игрок, ради шутки, ради сенсационного трюка, заgrimировавшийся автоматом...

Но все равно. Какой он делает странный ход! Ладьей на *g2*. Что несет эта странная комбинация? Подумать. Чорт возьми, идол играет, как Капабланка!

Какой дух спрятан в металлическом чреве серого идола? Может быть, призрак Чигорина или Морфи играет здесь под псевдонимом автомата системы профессора Ястребова? Или, может быть, это безногий офицер, блестящий похититель идеи своего наполеоновского коллеги, офицер, оставивший свои

обрубки где-нибудь под стремнинами Перекопа или на зеленых полях Украины? Кто? Кто?

В фойе—шум. Носовые платки скользят и комятся на потных щеках и лысинах. Мокрые, растрепавшиеся проборы. Жестикуляция. Пулеметы слов. И удивление, удивление без конца.

„... Чорт возьми, я никогда не думал, что Григорьев проиграет этой машине...“

„... Представьте, когда он пошел конем на h5, я думал, что у автомата не найдется решающего ответа...“

„... А все-таки, друзья, я совершенно уверен, что играет живой человек...“

„... А оригинальная все-таки штука, вот бы Капа-
бланке с ней сыграть...“

„... Шарлатанство...“

„... Какое шарлатанство, когда Зубарев на 27-м ходу сдался...“

„... Товарищи, идите скорей, необыкновенно острое положение“

Перед аппаратом—юный маэстро с бременем двадцатилетней мудрости на своих крепких плечах. Он играет по точно разученной партии Ласкер—Рубинштейн, игранной на Международном турнире в Москве два года тому назад.

Юный маэстро уверен в выигрыше. Он непоколебим, как скала. Его шпаргалка—меч Нибелунгов. Его лицо—лицо генерала, в котором спокойная уверенность Цезаря сочетается с нервной горячностью Наполеона.

Ход за ходом. Белый прямоугольник изрыгает страшные цифры. Kf3 на e5. Наполеон падает с лошади. Увы! Он теряет королеву.

4. НАСТОЯЩЕЕ КРОЕТ ИСТОРИЮ

Через несколько дней в „Известиях“ под заголовком „Триумф автомата“ было напечатано:

„Игра лучших московских игроков с автоматом системы профессора Ястребова в Малом зале Консерватории за три дня дала совершенно неожиданные результаты.“

Короче говоря, проиграли автомату все московские крупные шахматисты, не считая ряда любителей. Трудно даже описать ту панику, которая наступила в результате. По словам старейших московских игроков, они за всю свою жизнь не помнят ничего подобного.

Приехали автомату и приехавшие из Ленинграда Левенфиш и Рабинович. Особенно любопытен проигрыш последнего. Игравший очень удачно на последних турнирах в Москве (1925 г.), в Нью-Йорке и Сан-Себастьяно (1926 г.), Рабинович играл здесь с особенной красотой и виртуозностью. Применив защиту Каро-Канн, он до 17 хода находился в прекрасном положении. Но ход (Cf4 : e7), указанный автоматом, стеснил его пешечный фронт и запер коня. Лишенный возможности раньше, как через три хода вывести в игру ладью, Рабинович пошел на рекомендуемый теорией размен ферзей, в результате которого, благодаря прекрасному маневрированию противника, потерял пешку. На 28-м ходу ему пришлось сдаться.

По словам присутствовавших на игре московских чемпионов, автомат указывал ходы безошибочно и блестяще. Разыгранный им финал, по их мнению, был достоин самого Ласкера.

В публике и в шахматных кругах господствует мнение, что здесь имеет место, вопреки уверениям самого профессора Ястребова, игра живого человека, ибо только человеческий мозг, и притом гениальный мозг, может так проникновенно и талантливо комбинировать“.

Выдержка из статьи д-ра С. Тартаковера, присланной им по телеграфу для шахматного журнала „64“.

„Шахматные автоматы в практике серьезных игр никогда не встречались. Во времена средневековья существовали, правда, идеи создания механического человека (homunculus'a), которые в свою очередь и породили мысль о шахматном автомате.

Средневековым мыслителям и механикам такой автомат всегда представлялся в форме человеческой фигуры, играющей в шахматы самостоятельно, без участия человеческого ума. Они вполне серьезно допускали механическую основу шахматной игры, на основании определенных цифровых законов. Нужно было только найти эти законы. Нужно было лишь найти их формулу.

В поисках этой формулы поработало не мало гениальных умов. Попытки создания шахматных автоматов встречаются еще в XV веке. В манускриптах ордена иезуитов встречаются указания на создание такого автомата аббатом Антонио Феррари из Болоньи. Ему удалось даже сконструировать механизм, секрет которого погиб вместе с его создателем при пожаре монастырских зданий.

То же можно сказать и о попытках Рудольфа Теодициуса и механика Курта из Нюрнберга. В сочинении Симона Гуляра, относящемся к концу XVIII века, названном им „Trésor d'histoires admirables“ („Сокровищница удивительных историй“), имеются, правда, несколько туманные, но все же достаточные указания на опыты в этом направлении француза Арно де-Вильнева, любекских механиков Карла Фогга и доктора Сибелиуса и англичанина Ричарда Гельдингена. Все эти опыты, по словам Гуляра, не дали никаких конкретных результатов и ограничивались лишь известным „брожением умов“ вокруг их имен и идей.

Больше всего сведений имеем мы об автомате Курта. По словам очевидцев, его автомат имел форму человеческой фигуры с отлично сделанным лицом и руками. Ни каких-либо практических результатов и этот автомат не дал, ибо Курт в припадке сумасшествия разрушил свою механическую куклу.

При дворе Филиппа II в Мадриде на Первом международном шахматном конгрессе были попытки со стороны доминиканского монаха Брокера к демонстрации сконструированного им автомата. Брокер бросил вызов даже знаменитому в то время Рию Лопеду и таким сильным шахматистам эпохи, как Леонардо-де-Кутри и Паоло Бои. Но Филипп II почему то запретил эту демонстрацию, и Брокер попадает в тюрьму инквизиции. Во всяком случае каких либо иных сведений об этом автомате не осталось.

Остатки подобного автомата (конструктор его так и остался неизвестным) и по сие время хранятся в музее при дворце герцога Лихтенштадского. Они представляют из себя кучу старого ржавого железа, готового развалиться при первом прикосновении. Но за стеклом-вы увидите грубое подобие человека, сидящего в большом кресле за шахматной доской, укрепленной на небольшом столике. Играл ли этот автомат или нет, так и осталось невыясненным.

История дает нам, наряду с попытками создания специальных механизмов и примеры порой довольно остроумного шарлатанства. Помимо безногого Наполеоновского офицера, прятавшегося во время игры в полую внутри куклы, мы встречаем подобные „автоматы“ на ярмарках в Германии и Англии. По словам современников, многие из этих „автоматов“ играли блестяще и обыгрывали даже сильных игроков эпохи. В большинстве же случаев это была просто коммерчески - выгодная ловля доверчивых любителей.

Судя по сообщениям газет, автомат профессора Ястребова не имеет формы человека и не претендует на подражание человеческим движением. Судя по размерам (если не ошибаюсь, сообщалось, что и в длину и в высоту он имеет в среднем около метра) мы имеем дело с весьма солидным механизмом. Мне очень трудно сказать что либо о самом автомате, так как, во-первых, я его не видел, а, во-вторых, конструкцию его изобретатель оставляет в секрете.

Имеем ли мы здесь дело с механизмом, или с живым человеком? Мне лично трудно судить об этом. Можно думать, судя по тому, что автомат всегда играет только белыми,—что здесь мы имеем известную математическую предпосылку какой-то идеи, но сказать что-либо определенное об этом я не решаюсь.

Очень может быть, впрочем, что это и шарлатанство. Во всяком случае это мало меняет дело. Если не автомат, то живой сильный игрок, с которым будет очень приятно встретиться.

В связи с предстоящим у вас Международным турниром, мне кажется, что для всех прибывающих в Москву маэстро встреча эта представит значительный интерес“.

Отчет в „Известиях“ и статья Тартаковера были перепечатаны большинством крупнейших европейских и американских газет.

Двадцать шесть знаменитых маэстро мира наконец услышали об автомате. В Вене, Париже, Нью-Йорке, Варшаве, Берлине, Праге, Брюсселе по углам их губ побежали иронические улыбки. Но где-то в загадочной глубине глаз родилось любопытство. То же легкое, слегка удивленное любопытство общепризнанных чемпионов перед борьбой с неизвестной, но грозной маской.

...Маэстро Капабланка ехал в Россию. На международной станции Себеж, в буфете, за стаканом кофе с коньяком, ему подали последние Нью-Йоркские газеты. Его устало-пресыщенные глаза мирового любимица скользнули по строчкам, и на пунцовых гаванских губах поползла та же ироническая улыбка. Автомат—против чемпиона мира? Чуть!

Газета безразлично упала на пол, и судьба автомата была решена.

5. ПОРАЖЕНИЕ СИНБОРА ХОЗЕ-РАУЛЬ КАПАБЛАНКА-И-ГРАУПЕРА

Это событие помнит весь мир. Игроки всего земного шара, талантливые и бездарные, теоретики и начинающие, люди, ни разу не бравшие в руки шахмат, люди всех полов, возрастов и национальностей, уцелевшие аристократы от членов палаты лордов до безработных представителей царствовавших где-то родов, вожди революционных и реакционных партий, депутаты и булочники, инженеры и клерки, нотариусы и метр-д'отели—все в один прекрасный день развернули газеты, и глаза их, из присущей им с рождения овальной формы, стали вдруг круглыми, как орех.

Это удивительное событие произошло в Москве, которая помнит, правда, мало успешное, но все же достаточно почетное пребывание Капабланки два года тому назад во время международного турнира в ноябре 1925 года. Этот турнир не принес маэстро Гаванны слишком много лавровых венков и восторженных оваций. Тогда, по выражению его коллег, ему просто „не везло“. Но на последующих турнирах в Нью-Йорке, Сан-Себастьяно и Вене Капабланка опять завоевал свою, чуть было пошатнувшуюся, славу.

Правда, в 1926 году в Сан-Себастьяно Капабланка проиграл д-ру Ласкеру. Партия эта, в которой все 7 пешек Капабланки оказались изолирован-

ными, и блестящая жертва коня Ласкером (Кс3:d5) позволила ему на 17 ходу выиграть ферзя, навсегда вошла в историю шахматного искусства наряду с гениальными партиями Андерсена, Морфи и Чигорина.

Но тем не менее чемпион мира снова восстановил свое былое величие, выиграв ряд редких по красоте и виртуозности партий у Алехина, Боголюбова, Маршалла и Рети. Тем более, что „старый лев“—Ласкер, бывший на последнем турнире, что называется, „не в игре“, не мог стать серьезным противником для смуглого уроженца Кубы.

Таким образом, все складывалось чрезвычайно удачно и вдруг..

Произошло совершенно неожиданное обстоятельство. Капабланка, остановившийся в двух роскошных комнатах отеля „Савой“, принимая московских репортеров, был слегка поражен, что на этот раз ему не задавали обычных трафаретных вопросов об игре русских шахматистов, о его всем навязшей в зубах конкуренции с д-ром Ласкером, о его отношении к гипермодернизму и т. п. Все в один голос говорили только об автомате.

— Automat? — переспрашивал Капабланка — и захлебывающийся от усталости переводчик под обстрелом, по всем правилам американского журнализма, перекрестных вопросов, напомнил маэстро последние номера прочитанных в Себеже нью-йоркских газет и рассказал все, что знала Москва об удивительном автомате.

Малый зал консерватории очень сожалел, вероятно, что его стены не из каучука и что при известной растяжимости он не может стать большим.

Призраки Бетховена и Баха, уже успевшие научиться игре в шахматы и отлично разбиравшиеся в абракадабре ферзевых и королевских дебютов, — даже они были поражены молчаливым величием совершающегося.

Ибо то, что происходило здесь сейчас, было достойно стать занесенным на скрижали истории, на страницы блестящих романов, или на капризные строчки нот гениальной симфонии.

Даже забытый бехштейновский рояль, даже одряхлевшие от музыки стены, даже сдвинутые в напряженном азарте покорные стулья, эти бессловесные статисты грандиозного спектакля, и те тревожно застыли в напряженном ожидании необычайного финала этой необычайной борьбы.

Шахматисты, маэстро и любители, молодые и старые, говорящие на всех европейских языках и говорящие только по-русски, все они, как стая пингвинов перед сном, как фигуры, вылепленные сумасшедшим ваятелем, казались замершими от напряжения, и только сердца их страстно дрожали и бились всем существом своим на черных и белых квадратах единственной в зале доски.

Маэстро, чье звучное имя четыре раза пересекает тире, маэстро, чье имя звучит нарицательным на каждом перекрестке Сити, Унтер-ден-Линдена и Бродвея, маэстро в изящном пиджаке из серого коверкота казался элегантным архангелом нарастающего светопреставления.

По его коричневому, как сигара, губам змеилась тонкая и злая улыбка. Да, да, представьте себе, что потеряв на 17 ходу пешку и не имея возможности вывести слона, он все-таки улыбался.

Профессор Ястребов, с редкими подстриженными усами, задумчиво скользил глазами, уставшими от прожитых шестидесяти лет, по дымным контурам

стаунтоновских шахмат. Он, казалось, совсем не думал о них. За каждым ходом маэстро Капабланки его тонкие пальцы скользили по скрытым рычагам автомата и на белом лбу металлического чудовища появлялась безошибочное сочетание букв и цифр.

Иногда и его острые, как бритва, губы бросали в темный и потный сгусток толпы легкую и неопределенную, как теория относительности, улыбку. Она скользила в напряженной тишине зала и иронически нашептывала ничего не понимающим людям: „Дураки. Вы думаете, что это я на 27-м ходу сделаю мат вашему королю и герою? Наивные энтузиасты, забывшие о теории возрастающих чисел и элементарных законах дифференциального исчисления“.

Маэстро Гаванны молчал. Только нервные пальцы да змеистые синеватые жилки, чуть вспухнувшие на седоватых висках, выдавали страдание под маской наигранной апатии.

Это была борьба, перед которой риффы—Франция в Марокко, и Кантон—Пекин в Китае казались детской игрой в солдатки.

Человеческий мозг в этой борьбе с железом и сталью новоявленного Молоха публично умирал, судорожно протестуя на 64 квадратах пестрой доски.

Демпсей-Карпантье, Наполеон и Блюхер, Гоминдан и пекинские армии, Карфаген и римские полчища, библия с ее иудеями и филистимлянами, Давидом и Голиафом—все это чепуха, чушь, мыльные пузыри в сравнении с тем, что совершалось где-то внутри, скрытое реверсами элегантногo пиджака и тщетной иронией на побледневших, сжатых губах.

И люди, смятые, потные, напряженные, судорожно ждали конца.

Женщин было немного. Шахматы—мужская игра. Шахматы—бич для жен и любовниц. Шахматы—

похититель половины внимания и обязанностей, положенных судьбой и законами каждому мужчине.

И мужчины здесь были толпой. Толпой странной, необычайной. Жадной, но молчаливой. Азартной, но выдержанной. Они не думали и не помнили ни о чем. Их глаза казались стеклянными, и в зрачках их колебалось лишь отражение доски, где совершалось жертвоприношение оригинальнейшего в мире ума идолу из дерева и железа.

Кто в состоянии описать эту сцену? Какой поэт взялся бы воскресить в своих робких и бледных строчках это зрелище, у режиссеров которого были мириады страсти, напряжения, жути и страдания без слов. И они жонглировали этими мириадами, бросали их на пестрые полотна шахматных диаграмм, на дымные контуры фигурок из пальмы, на удивленные, широко-открытые рты, на глаза, готовые прыгнуть со своих мест и броситься прямо на черные и белые квадраты доски, на застывшие, усталые лица, на немые, побледневшие улыбки, бросали их на нервно-скрипящие карандаши репортеров, на тупо-удивленные лица буфетчиков и на стрелки часов, несущихся со скоростью Ройса.

Маэстро, со сжатыми в струнку губами, думает. Да, часы скачут, как сумасшедшие. Время, которое ползло на турнирах, как караваны в пустыне, несется, как призовая лошадь на дерби. И кто так гонит его? Кто?

Неужели только комбинации математически-точных вычислений, неужели только повороты спрятанных рычагов загадочного механизма могут двигаться на него с такой молниеносной атакой? С таким изумительным по технике напором и без полководца!

Нет, должен быть полководец. Полководец без револьвера и фуражки защитного образца, рыцарь без меча и доспехов, но страшный и сильный, почти гениальный игрок.

Он, Капабланка, никогда не встречал его на турнирах. Ему совершенно незнакома эта молниеносная рассудительность и редкий комбинационный талант. Его продолжение против защиты Каро-Канн безошибочно и просто. И вместе с тем оно совершенно ново для него, прославленного теоретика, и виртуозного практика. Оно лучше, чем знаменитое продолжение Рети в партии с Ласкером на последнем турнире в Вене.

Как нелепо вздрагивает сердце! Оно бьется еще быстрее летящих вперед часов, уже грозящих немолчимым *Zeitnot*'ом.

Виски набухают синеватыми жилами. Скорей стакан кофе. Еще стакан. Какая страшная борьба!

Пешку *c4*—отдать. Конем на *b4*. Ферзя в правый угол. Так. Почему на *h4*? Странно. Но такой эффектный ход! Этот замаскированный железом сфинкс играет, как бог. Через три хода у него, у маэстро обих полушарий, должна погибнуть фигура.

Агония. Мысли чемпиона мира безумно кружатся, как колеса его новенького Ройса по асфальту Бродвея. Это финал. Это—Ватерлоо. Последняя ставка Наполеона. Гибель славы. Закат его гениальной звезды.

Так догорает солнце. Медленно, но неизбежно оно скрывается за горизонтом. Так погибают герои. Так погиб Наполеон, задавленный Веллингтоном. Так погиб Леонид, запертый со своими войсками в рожках для него Фермопилах.

Описать зрительный зал? Этот вихрь недоумений, страстей и восторгов? Эту реакцию трехчасовой тишины и молчаливого напряжения? Эту бурю хриплых выкриков, клочков разговоров, бешено летящих слов?

Нет, пусть хладнокровные репортеры напишут свои исторические строчки:

„Матч Капабланки с вызывающим все большее и большее удивление автоматом привлек исключительное внимание. Зал не в состоянии был вместить всех, желающих посмотреть любопытнейшее зрелище. В публике присутствовало множество корреспондентов иностранных газет, прибывших ко дню открытия международного турнира, члены дипломатического корпуса и почти все русские маэстро, находящиеся в настоящее время в Москве.

Капабланка играл черными, так как единственное условие, которое ставит профессор Ястребов любому партнеру—это постоянная игра белыми. Применяв защиту Каро-Канн, чемпион мира до 12 хода держался исключительно крепко. На 13 ходу, вследствие хитроумного маневрирования белых, слонов, он принужден был пожертвовать пешку, чтобы спасти свой пешечный фронт от мгновенного разгрома, который бы тотчас за этим последовал.

Но жертвование пешки не спасло черных от гибели. На 21 ходу партия их была окончательно стеснена. Маневр белого коня *Kd2 : c4* повлек за собой еще проигрыш пешки, в результате чего последовал весьма нежелательный размен ферзей. Через два хода маэстро волей-неволей теряет фигуру. Остальное было вопросом техники, и Капабланка защищался исключительно из самолюбия, но партия его все равно была решена.

Этот проигрыш чемпиона мира заставляет думать, что автомат представляет собой совершенно исключительное явление. И это заставляет нас серьезно потребовать у проф. Ястребова объяснений по поводу его аппарата. Надо окончательно выяснить, имеем ли мы дело действительно с тонким и сложным механизмом или просто с талантливейшим игро-

ком, почему-то взявшимся мистифицировать публику под псевдонимом шахматного автомата.

Надо полагать, во всяком случае, что автомат этот являет собой громадную опасность для реноме прибывающих на турнир всех иностранных маэстро. И хотя проигрыш Капабланки не дает еще повода думать, что такая же судьба постигнет Боголюбова, Торре или Ласкера, но все-таки встреча этих мировых шахматных величин с автоматом проф. Ястребова представит исключительный интерес“.

6. РАДИО ЗАОСТРЯЕТ МОМЕНТ

Язык репортеров—это прямой провод к воображению. Язык радио—это динамит, взрывающий его до основания. Широковещательные антенны московской радио-станции бросили в мир слова, послужившие достаточной искрой, чтобы взорвать порох миллионов умов. Искра, пущенная безразличным ко всему радио-техником и состоящая только из двух слов:

КАПАБЛАНКА ПРОИГРАЛ,

достигла цели.

Эти слова пронеслись по всему миру с быстротой метеора. Перехваченные радио-станциями Берлина, Парижа, Нью-Йорка, Лондона, Чикаго и Шпицбергена, они отбрасывались дальше. Они торжествующе неслись над государствами и городами, над зелено-желтыми пятнами полей, над лесами тайги и Канады, над джунглями Индостана и пампасами Аргентины, над снежными склонами Гималаев и мощными вершинами Альп, над ледниками Гренландии и песками Египта, над небоскребами и мостами, храмами и пирамидами, неслись, всюду обгоняя робко ползущие аэропланы и бесчисленные перелеты кажущихся тихоходами птиц.

Они навалились на города мощным обвалом криков, восклицаний, прыгающих строчек газет и жур-

налов, телефонных звонков и почтовых писем, их бешено выстукивали тысячи Морзов и Юзов, они гудели по проволокам телеграфных линий, мчались по кабелю на дне океана, загорались световыми огнями реклам, выкрикивались бешеными ртами газетчиков—они всюду, везде останавливали, ошеломляли, били без промаха.

КАПАБЛАНКА ПРОИГРАЛ!!!

Эти слова рассыпались разговорами по клубам и отелям, по международным салонам и театральным фойе, по курортам и дансингам, всюду и везде, от университетских аудиторий до обыкновенной булочной. Их произносили наспех, между двумя рукопожатиями, перед очередным табль-д'отом, в антрактах премьер и просмотров, во-время любовных сцен и деловых заседаний.

Все, кто следил за ходом международных турниров, все, кто умел расставлять стаунтоновские фигурки на черных и белых квадратах доски, все, кто хоть краем уха слышал об именах Ласкера и Рети, Торре и Рубинштейна, Шпильмана и Боголюбова, наконец, все, кто просто читал ежедневно газеты—не понимали, не могли и не хотели ничего понять. Король шахматных королей Наполеон международных турниров проиграл где-то в какой-то Москве какому-то нелепому автомату. Разве это не дико, не странно?

А в Москве, среди взволнованно расходившейся публики, суетился не менее взволнованный оператор Культкино. Он уже увековечил козлиную бородку профессора Ястребова, накрутил крупных и общих планов из пестрой смеси гимнастеров, шелка и пиджаков, и тщетно искал кого-то, чье отсут-

ствие на пленке лишило бы хронику всей ее бойкой сенсации.

И наконец нашел. Помчались поспешные кадры. Целлулоидовый мир ожил, обогатившись элегантным героем с профилем джентльмена из Голливуда и с видом Чайльд-Гарольда, капризно перенесенного в наш, совсем не байронический век. Тонкие пальцы его нервно мяти душистый платок, а застывшая улыбка на темных губах вздрагивала, моментами превращаясь в гримасу.

В Берлине, в Лондоне, в Вене, в Париже, в Праге и Брюсселе, по Rue de la Paix, по Уол-Стрит, по Бродвею, по Фридрихштрассе, Стренду и Пратеру, на Ройсах, на Фордах, Мерседесах, Фиатах, Рено и Паккардах подвезжали к вокзалам маэстро. 26 первоклассных чемпионов и рыцарей—спешно глотали свой кофе в буфете, и международные пульмановские рессоры, укачивая их на мягких диванах в общих залах и спальных купе, с быстротой кометы помчали их к одному пункту земного шара. И этим пунктом был Себеж,—пограничная точка страны, где тайлась гибель, уготованная им автоматом.

На Тихоокеанском гиганте, тысячетонном чудовище Нью-Йоркско-Гамбургской линии, под лениво раскинувшимся парусиновым тентом, спокойный, как скала, Маршалл перелистывал свежеразвешенный номер пароходной газеты. По вытянутым в струнку, тонким, как нитка, губам плыла легкая, недоверчивая улыбка. Старый янки не верил в автомат. С Капабланкой что-нибудь случилось. Изящный маэстро очевидно был не в ударе.

Автомат—ерунда. Тысячи раз доказано, что искусство шахматных комбинаций не поддается никаким математическим законам. Автомат—для отвода глаз. Играет, вероятно, шахматист. Хороший, сильный, может быть гениальный, но все же человек. А раз человек, то возможны любые случайности. Абсолютных выигрышей не бывает. Капабланка — никому не указ

В мягком купе международного вагона, тихими, грустными, глазами, округлявшимися толстыми окулярами в роговой оправе,—ибо Торре был американец, а какой американец не носит круглых роговых очков?—скользил задумчиво по мелкопетитным воплям московских корреспондентов Нью-Йоркских газет.

Он не задавался вопросом об автомате. Что такое Капабланка? Четыре громких имени, соединенные рядом тире. А дальше? А дальше—старейший мозг и падающая техника. Что такое Капабланка, когда у Торре в последнем турнире было на пол очка больше, чем у прославленного чемпиона мира. И на предстоящем сражении в Москве, Мексика должна притти впереди Кубы. За ней молодость, пламенный огонь борьбы и огромная воля к победе. Эта воля оценена даже антрепренерами, даже мудрыми биржевиками, готовыми срочно заменить наилучшие акции «Голико-нефть» акциями будущей славы Торре.

Чемпионы? Ерунда. Он еще опрокинет этих чемпионов, так же легко, как эту пустую пепельницу. Автомат не страшен. Пусть—поражение. Он снесет его легче и тверже, чем прославленный маэстро ди-Граупера

На станции Волоколамск репортер „Вечерней Москвы“ с порывистостью делового американца проник в спальный вагон, отмеченный присутствием самого доктора Эммануила Ласкера.

Тот же вагон. То же купе. Только не Мексика, а Германия. Только не юность задорная, а бремя прожитых шестидесяти лет.

Обаятельная улыбка. Полузакрытые веселые глазки блестят вспыхивающими искрами чего-то такого, перед чем невольно хочется снять шляпу. Снежный покров седины, от которого ваша походка сразу становится мягче и голос робко модулирует в особо почтительных нотах.

Губы, между словами медленно попыхивающие сигарой, время от времени бросали потному от счастья репортеру веские как камень слова:

„Трудно мне, не знающему поколения молодых русских шахматистов, высказать вам какие-либо предположения о том, что автомат—только предлог, только дешевая сенсация. Может быть это общее мнение и не имеет никаких оснований.

„Математика не посягала, однако, на искусство шахмат. Она со всей ее всеобъемлемостью, не могла одолеть его, не поддающееся никаким математическим предпосылкам и обоснованиям. Математики, ищущие в шахматах каких-то определенных цифровых законов, всегда упирались в тупик бесчисленного, неподдающегося учету, количества комбинационных положений. Разрешить эту задачу, как-то оформить ее, ввести в нормы определенных математических предпосылок лично мне кажется абсолютно невозможным.

„Но в то же время возможно вообще многое. Очень может быть, что задача эта, в конце концов, и разрешена. Кто может поручиться, что не нашелся,

лых очках, люди в черном, коричневом, сером и синем, люди с блокнотами и вечными перьями, вихрем носились по залам Метрополя, где открывался международный турнир.

А на улицах—давка. Змеи хвостов, ползущих с Лубянки, Моховой, Дмитровки, путающихся концами в Неглинном проезде, останавливающих трамваи, автобусы, наполняющих до краев Театральную площадь.

Кордоны милиции, пешей и конной, шли сомкнутым строем по всем правилам окопной стратегии на тысячеголовую гидру толпы, нарушившую все законы повседневной человеческой жизни.

По Моховой, по Лубянке, по Дмитровке, по Неглинной вереницей стояли трамваи. В устьях улиц дремали автобусы. Тщетно кричали пассажиры, надрывались от хрипа кондуктора, ругались извозчики.

Во всех четырех кассах Метрополя давно уже закрыты окошки, и кассирши черным ходом спасались от рева и крипов толпы. Давно уже на дверях вывешены аншлаги, и величавый швейцар в синей ливрее один удерживал стихийную атаку толпы,—она все еще продолжала бесконечными волнами катиться на Театральную площадь.

В Метрополе—событие мировой важности. Событие, за которым следят миллионы умов за Вислой, за Рейном, за Сеной, за океаном. Событие более волнующее, чем министерские кризисы, и более популярное, чем слухи о новой войне.

В Метрополе, на открытии грандиознейшего в мире собрания шахматных гениев, автомат профессора Ястребова должен был выступить против сильнейших из них. Последним рыцарем в этом страшном турнире был Ласкер.

И Москва бредила. Москва волновалась. Москва напряженно ждала.

На всех углах площадей, переулков, домов, продавались ежедневно бюллетени шахматной секции. Продавалась литература. Новейшие теории шахматных мудрецов раскупались, как ежедневные газеты.

Портрет профессора Ястребова продавался за пять копеек во всех пичебумажных магазинах. Моссельпром срочно выпустил папиросы „Капабланка“ и „Шахматы“. Сочетание белого с черным в квадратную клетку стало одним из моднейших оттенков в туалетах балетных красавиц и на витринах „Ателье Мод“.

Всюду и везде—шахматы. В модных кафе. В общественных столовых. В клубах. В пивных. В каждой квартире и в каждой комнате.

Шахматы стали сущностью жизни. Ее центром. Медики регистрировали особый вид инфекционной болезни—шахматную горячку. Ею заболели все. Даже женщины, уже великолепно разбирающиеся в абракадабре таких несуразностей, как ферзь, слон и конь.

Даже дети. В переменах между уроками спешно расставлялись фигуры. Играли на былой уцелевшей „камчатке“. Во время уроков. Даже в уборной.

Забытая давно американская фильма „Шах и мат“ с участием Присциллы Дин была немедленно извлечена из архивов Совкино предприимчивыми кино-администраторами. В ней фигурировал шахматный автомат и она уже третью неделю не сходила с экранов пяти крупнейших в Москве кино-театров. „Шахматная горячка“, выпущенная „Русью“ в 1926 г., шла добавлением, собирая ежедневные аншлаги.

В каждом учреждении устраивались турниры. Житоварищества играли с житовариществами. Квартиры—против квартир. В каждом доме был чемпион. В каждой квартире—маэстро.

— Петр Степанович вчера на четырех досках играл...

— А вы знаете, что конь и слон матуют только в том случае, если у противника есть пешка?..

— Ласкер выиграет непременно...

— Ерунда, у автомата выиграть невозможно.

— Невозможно? А я бы взялся...

— Марья Петровна, хотите вперед ладью?

— Как не стыдно, когда я у вас и с ладьей не проигрываю...

— Коля, брось шахматы и иди обедать!

— Сейчас... слона в правый угол и тогда...

— Тогда я конем на h2.

— Коля!!!

— У автомата есть теперь все шансы стать чемпионом мира...

— Ха-ха-ха, механический чемпион!!!

— Если за фигуру взялся, так ею и ходи...

— Но нельзя же под пешку?

— Ну, товарищи, это не турнир, а детская игра получается...

— Пешки назад не ходят...

— Леночка, с вами невозможно играть, вечно вы на ничью стараетесь...

— Граждане, подайте слепому шахматисту!!!

— Странно, слепой, а шахматист?

— Иванов, опять во-время урока играете, сколько раз вам говорил...

— Товарищ, две бутылки и доску с шахматами!!!

Такие разговоры стали обычными, как утренний стакан чаю.

Автомат доминировал в темах. О нем уже не говорили, а захлебывались. У репортеров не хватало слов для описания его побед. У зрителя останавливалось дыхание при виде козлиной бородки профессора Ястребова.

Администратор сеансов автомата гражданин Нахимсон ездил не иначе как на „такси“ и подавал всем только два пальца. С лица его уже не сходила ангельская улыбка. Да что такое ангел? Он был в миллион раз счастливее ангела. Он был богом.

Газеты писали об автомате — чудо. „Вечерка“ захлебывалась — гениально. Один только журнал „64“ иронизировал — чепуха, мистификация.

В Метрополе деятельно готовились к сеансу: автомат — Рубинштейн, Маршалл, Торре, Шпильман и Ласкер. Часы торопливо бежали к началу.

Москва бредила. Москва волновалась. Москва напряженно ждала.

8. ТРАГЕДИЯ ПРОФЕССОРА ЯСТРЕБОВА

Последний тур окончен. Взволнованная, потрясенная, точно взрывом, толпа выходящих счастливых, на-ходу бросала еще большей толпе у входа сенсационную новость. Уже сама новость была взрывом. И гулом пронеслись ее раскаты по уставшим от крика ушам.

Маршалл, Торре и Шпильман—отказались!

Рубинштейн и Ласкер—проиграли!

Ласкер, великий Ласкер, непобедимый и гениальный,—проиграл!

Безумие. Паника. Растерянные козырьки кепок. Восторг. Жестикуляция. Хриплые, рычащие рты.

Ласкер проиграл!

Что же дальше?

Где истина? Где?

Люди расходились. В конце-концов—недоумение. Подавленность. Странная жалость. Обида за человека, за мозг, за гениальный человеческий мозг.

Молодежь, девушки в красных платочках, девушки стриженные в стоптанных тифельках, кожанки, серые блузы—негодовали.

Машина? Но кому нужна эта машина? Зачем? Разве искусство шахмат не прекрасно? Разве оно не доставляет творческой радости? Острога и полного трепета победы?

Машина убивает его. Убивает творчество. Математика разрушает идею. Зачем?

В комнате турнирного комитета внешне спокойный и только нервно закусывающий губы „сам“ Крыленко бросал в толпу взволнованных комсомольцев свои веские, как камень, слова.

— Товарищи, вы правы, конечно. И ваше волнение показательно для той позиции, которую мы должны занять по отношению к этому автомату. Это изобретение не только бесполезно. Оно—огромный, непоправимый вред не только для шахматного искусства. Оно наносит удар и культуре, одним из скромных проводников которой являются шахматы. Оно сразу может разрушить всю ту работу, которую мы проделали, чтобы сделать шахматы достоянием не кучки профессионалов, а всего населения, самых широких масс. И если изобретение это основано на определенных математических законах, то, значит, эти законы опровергают самый основной принцип игры в шахматы: свободный выбор комбинаций и сложную, напряженную игру ума. Можно, конечно, изобрести остроумный механизм, позволивший бы в один момент разрушить, скажем, музей изящных искусств или Третьяковскую галерею. Но, сколь будет нужен и полезен такой механизм, в этом, я думаю, сомневаться не приходится. А поэтому успокойтесь, товарищи, в самом ближайшем времени мы постараемся выяснить сущность изобретения Ястребова и поставить все точки над „і“ в этом волнующем вас вопросе...

И, покидая комнату, каждый уносил в памяти неясную, но гневную мысль:

„Профессор—убийца. Машина—чудовище. Она бессмысленна и бесполезна. И шахматам она несет гибель“...

Так думал и фельетонист „Рабочей Газеты“. И мысли выстраивались, выпрямлялись, выравнивались,

формулировались точнее, ударнее—и статья была готова. Скорей в редакцию. Карандаш и бумагу. Так. Теперь в набор

Профессор Ястребов, медленно ступая в старых, протертых галошах, в первый раз внимательно рассматривал уходящих.

Как много молодежи! Горячей, восторженной, страстной молодежи. Вероятно, они все увлекаются шахматами.

Как странно! Шахматы становятся достоянием всех. Они популяризируются. А он несет им смерть. Прав ли он, убивая то, что составляет творческую радость тысяч, может быть, десятков тысяч, миллионов?

Но за ним—наука. Тридцатилетний, упорный труд. Радость достижения. Это оправдывает все жертвы.

Все ли? Стоило ли? Может быть, пропали годы в бесполезной работе над бесполезным открытием? Может быть, оно не нужно, бессмысленно?

Как болит сердце. Оно дребезжит, как прорванный барабан. На плечи навалился груз скверной, обидной старости. Порок сердца. Ревматизм. Долгие и назойливые боли в желудке.

Стоило ли жить, работать...

На другой день профессор Ястребов не выходил из дома. Болело и останавливалось сердце.

Статья в „Рабочей Газете“ будоражила тяжелую мысль о бесполезности всего дела. Перед собой не оправдывался. В каждой строчке нервного фельетона видел горькую, обидную правду.

Позже принесли „Известия“. Там прочел, задыхаясь от боли в сердце, написанные кровью слова Эммануила Ласкера.

„Профессор,—писал Ласкер,—вы не откажетесь, наконец, раскрыть нам сущность вашего изобретения. Наше поражение даст нам право просить вас об этом. Больше уж не осталось для вас противников. Больше уж некого вам побеждать.

„Если вы действительно нашли систему шахматной игры, действительно сумели уложить ее комбинационные сложности в строгие нормы определенных математических законов, то откройте же их, наконец. Мы просим и ждем вашего ответа, профессор.

„Мы хотим знать те причины, которые так свободно и неумолимо опровергают наши теоретические предпосылки и самый тончайший практический анализ игры. Мы хотим знать их, чтобы разобраться в ее основах и методах. Мы хотим знать, будет ли она, сможет ли существовать и развиваться в дальнейшем.

„Если нет, если творческие процессы этого тончайшего и любопытнейшего из искусств, заменятся сухими арифметическими выкладками, то ваше открытие — зло. Ваше изобретение — колоссальный и непоправимый вред. Тогда мы будем бороться с вами. Бороться всеми возможными средствами. И человечество, люди страны, оценившей сейчас больше, чем когда-либо, это искусство, — это человечество и эти люди будут за нас, а не за вас.

„Поэтому мы ждем вашего ответа. Только вы один можете поставить ясные точки над всеми загадочными „i“ в этой странной истории.

А если,—простите за недоверчивость, профессор, она вполне допустима здесь,—если ваш механизм—только маска для чьей-то гениальной и тонкой игры, то вы должны нам открыть имя этого игрока. Мы все уступаем ему первенство. Мы все склоняемся перед ним. Но он нужен нам так же, как и тем массам, которые сейчас идут за шахматами, интересуются

и увлекаются ими. Его игра слишком ценна для того, чтобы маскироваться в шарлатанскую, — простите, но это тогда было бы именно так, — тогу автомата.

„Мы ждем!

Подписал от имени

всех русских и иностранных мастро:

д-р ЛАСКЕР

Профессор встал. В уме твердо определилось решение.

9. ГОРДИЕВ УЗЕЛ РАЗРУБЛЕН

Однажды утром люди обычным жестом развернули газету. Люди были дома, на улицах, за столиками, унылых утром, пивных, за пыльными окнами торговых контор. Глаза, занятые, как всегда, кусочками сахара в стаканах теплого чая, скользнули зевая по строчкам и удивленно прочли:

СЕАНСЫ АВТОМАТА ПРЕКРАЩАЮТСЯ

Билеты взятые на дальнейшие дни
аннулируются.

Деньги выдаются в кассе Малого Зала Консерватории
и во всех кассах Метрополя от 11—2 часов ежедневно.

Люди недоумевали. Как? Почему? Неужели, победив чемпионов мира, механический рыцарь удаляется на покой? Не может быть! Утка. Чушь.

В редакциях — землетрясение. Звонки телефонов. Ремингтоны и Ундервуды. Репортеры за репортерами отправляются в бой. Редактора благословляют на интервью. Со щитом иль на щите.

К вечеру вторая сенсация. Она поражает прежде всего репортеров. Редакторы от нетерпения и злости рвут гранки очередного набора.

Профессор Ястребов болен и никого не принимает.

Скорей к телефону. Алло. Алло. Алло... Станция... Будьте добры...

Звонок за звонком. Продолжительно. Проверочный стол. Опять барышня... Ах...

— Телефон испорчен, не работает.

Репортеры бегут на Никитскую. Опять и опять. Швейцар устает сообщать—профессор не принимает, нет, никак невозможно. Уговоры мрачного вида прислуги. Не помогает. Потный от волнения гражданин Нахимсон горестно сообщает:

— Болен, в самом деле болен. Ничего не могу поделать. Сам ничего не понимаю...

В Метрополе на всех языках бежит по залу ошеломляющая весть. Маэстро удивлены. 39 иностранных репортеров лихорадочно вытаскивают блок-ноты. Скрипят вечные перья.

Через 10 минут во все 39 газет помчатся умопомрачительные сенсации.

Втихомолку по углам обсуждаются новости. Маэстро втайне довольны. Но любопытство задето. Оно растет и наполняет мозг до краев. Турнир откладывается. Ласкер и Капабланка отказались играть. Пусть сначала выяснятся подробности. А там посмотрим...

Люди по окончании занятий торопливо бегут домой, чтобы вечером у себя, в клубе, в домкоме, в гостях—обсудить, подумать, похачать.

Сон ускользает от глаз. Скользят в полумраке спален черные и белые стаунтоновские фигурки и серое тело металлического чудовища. Лицо профессора Ястребова из диафрагмы обоев появляется крупным планом.

На утро—еще сенсация. Она уже не ошеломляет, а бьет, останавливает дыхание и подгибает колени.

Всего маленькая заметка. Но она разрастается в умах в кошмар, не находящий объяснений. Четыре строчки сухой хроники и в результате—паника, растерянность, ужас.

Вчера, в 11 часов вечера, внезапно скончался профессор Московского университета М. И. Ястребов. Покойный страдал сильно развитым аневризмом и врачи давно уже высказывали возможность смертельного исхода.

Паника. Паника. Паника.

Репортеры в транс. Погоня за сенсацией внезапной смерти превращается в жизненную проблему. От редакции к редакции. Хрип телефонов. Запросы в Академию Наук. Бешеная скачка в университете.

Бумаги, скорей бумаги. Хотя бы клочки документов. „Вечерка“ платит по полтиннику строчку. Короли газетной хроники соперничают со скоростью автомобильных пробегов.

Тщетно.

Последняя новость глушит, раздирает умы. Догадки разбиваются о скалу непроницаемой тайны. У репортеров—боль под ложечкой и тяжесть у сердца.

Тщетно.

Сенсация кричит, останавливает, давит черным глухим кошмаром.

Бумаг нет. Документы уничтожены. Автомат разбит и разрушен.

Какой-нибудь след! Может быть целы клочки чертежей, формулы?..

Нет! Нет ничего. Разбитые части машины лежат на полу грудой бесполезного никкеля и железа.

Люди успокаиваются. Ничего не поделаешь. Над миром повисла еще одна неразрешенная тайна. Гордиев узел, завязанный профессором Ястребовым, никто не в силах распутать...

День сенсаций. Редактора воспрянули духом. Люди облегченно вздыхают. Наконец-то!

Глаза жадно впиваются в строчки. Буквы танцуют от удовольствия. Типографская краска расплывается от счастья.

Гордиев узел разрублен.

„Редакция „Известий“ получила письмо сотрудника М. Г. У., М. Нахимсона, сына небезызвестного администратора сеансов шахматного автомата. Сам гр. Нахимсон оказался совсем не в курсе изобретения проф. Ястребова. И кроме того, что уже стало всем известно, после смерти профессора, ничего нового сообщить не мог. Отсутствие же документов, уничтоженных изобретателем, лишало всякой возможности отыскать какие-либо научные следы нашумевшего открытия.

Поэтому, считая, что письмо это является первым и единственным фактором, проливающим некоторый свет на сущность системы проф. Ястребова, редакция помещает его целиком:

„Уважаемый товарищ редактор.

„Ввиду того, что я в настоящее время оказываюсь единственным человеком, обладающим хотя и не в полной мере тайной открытия покойного профессора М. И. Ястребова, считаю себя обязанным поставить в известность о ней всех интересующихся этим вопросом.

„С профессором я был знаком еще по университету, где, как известно, он читал специальный курс дифференциального и интегрального исчисления.

В последнее время я часто встречал его у отца, от которого и узнал о предстоящей демонстрации шахматного автомата.

„Будучи математиком и немножко шахматистом, я, естественно, заинтересовался и сущностью системы профессора и принципами конструкции его механизма. После долгих моих просьб и упорного нежелания М. И. объяснить мне, на основании каких законов и предпосылок был создан этот удивительный механизм, профессор, взяв с меня слово, что это останется тайной, победил, наконец, свою недоверчивость.

„Его теория в принципе оказалась очень проста. И передать ее здесь не представляет больших затруднений. Поэтому, полагая, что вопрос этот интересует сейчас немало умов, я постараюсь не упустить ни одной детали.

„Сначала немножко истории.

„Профессор в молодости увлекался египтологией. Участвуя в экспедиции на раскопках близ Хемпдена в Египте, он нашел чрезвычайно любопытный документ, отнесенный им приблизительно к эпохе царствования Амнериса II. Документ представлял собой свиток папируса, на котором была изображена шахматная доска, с довольно примитивными начертаниями фигур и группами различных цифр и знаков.

„Над расшифровкой этого документа профессор проработал около пяти лет. В конце концов ему удалось установить, что это была своеобразная теория шахматной игры, устанавливающая определенные математические законы для ее комбинаций.

„По теории авторов документа, каждая фигура и каждая клетка обозначалась определенными, постоянными цифрами. Комбинация этих цифр, точно вычисленная и проверенная, давала, по их мнению, всегда нужный ход и нужную вариацию.

„В результате упорной работы над разработкой и проверкой этих примитивных, по существу, принципов профессор установил ясную и точную систему.

„Вот приблизительно ее сущность:

„На каждый ход всегда имеется только *один* ответ. Никаких других ответов быть не может, так как одинаковая значимость их—всегда только кажущаяся, и все они, кроме *одного*, в результате *всегда* ошибочны.

Человеческий мозг не в силах с математической точностью за десять—двадцать—тридцать и более ходов рассчитать правильность своего ответа, *поэтому* ошибки *всегда* неизбежны. Делаящий наименьшее число их обычно выигрывает.

„Правильные ходы в игре встречаются очень часто, так как современные изыскания шахматных теоретиков путем ряда проверок установили для многих положений безошибочные ходы. Но, принимая во внимание огромное число шахматных комбинаций (первый ход дает их уже четыреста, а для вычисления числа комбинаций, получаемых со второго хода, потребуется применение высшей математики), ясно, что число правильных, безошибочных ходов, даже у самых первоклассных маэстро всегда ограничено.

„Поэтому, при абсолютно правильной игре белых, делающие так или иначе какие-то ошибки черные *всегда* проигрывают. При абсолютно верной игре черных все-таки выигрывают белые, *если они делают первый ход*. Вот почему автомат всегда играл только белыми.

„Но как можно было установить этот, для любого случая и любой комбинации, *нужный ход*? Применяя цифровые обозначения фигур и клеток на имеющемся у него документе, профессору удалось составить определенную формулу, при которой всегда при любом положении можно было найти этот безошибочный ход.

„При составлении формулы М. И. Ястребов руководился следующими факторами:

1. X —нужный ход.
2. Цифра фигуры, обозначаемая a, a_1, a_2, a_3 , и т. д. до 16.
3. Цифра клетки, обозначаемая b, b_1, b_2, b_3 , и т. д. до 64.
4. Отношение между цифрами каждой фигуры,

$$\text{обозначаемое } \frac{a}{a_1} = c.$$

5. Отношение между цифрами каждой клетки, обозначаемое $\frac{b}{b_1} = d.$

6. Отношение между цифрами фигур и клеток, обозначаемое $\frac{a}{b} = e.$

„Кроме того, один определенный коэффициент 1,23 и некоторые постоянные величины, обозначаемые им $\alpha, \beta, \gamma.$

„Обозначая суммы цифр и клеток и отношений между ними через прописные, получаем:

$$\sum a = A, \sum b = B, \sum c = C, \sum d = D, \text{ и } \sum e = E.$$

„Таким образом, применяя эти обозначения профессора, мы имеем следующую формулу:

$$X = 1,23 \frac{\beta(AB + BD) \gamma C}{\alpha(A + B) \gamma (C + DE)}.$$

„Подставляя в эту формулу цифровые значения, мы всегда получаем дробь, в которой числитель является цифрой фигуры, а знаменатель цифрой клетки.

„Но вот здесь и исчерпываются сведения о сущности системы профессора. Цифровых значений фигур и клеток он мне не открыл, и они были сожжены им вместе с чертежами автомата. Если кто-нибудь когда-нибудь сумеет установить эти цифры (из которых, если не ошибаюсь, как приведенный профессором пример, ферзь значил—73), то, применяя формулу М. И. Ястребова, всегда сумеет проверить его математические обоснования и выводы.

„Теперь о конструкции механизма. О ней немного. Могу сообщить только, что это была сложная система арифмометров, позволяющих вычислить все производные в любой момент игры, при любом ее положении. Эти арифмометры управлялись двумя специальными клавиатурами, с обозначением цифр и наименований фигур и клеток. В сложной системе рычагов я признаться мало понял и разобрался, да и интересовала-то меня главным образом сама система, а не ее осуществление.

„Вот все, что я знаю, и все, что мог, я изложил в том же приблизительном плане, как передал мне покойный М. И. Ястребов“.

В академии, в университетах, в математических и технических институтах статья не произвела фурора. В своем стремительном беге вперед, в будущее, наука не видела маленьких королей и ферзей и маленькие, смешные законы их скромных владений.

Но шахматисты облегченно вздохнули. Шахматы спасены. Искусство не стало жертвой математической гильотины.

И жизнь их снова покатилась спокойно и гладко.

Цена 45 коп.

90

75
574834

Издательство Высшего Совета Физкультуры

МОСКВА: Столешников переулок, 8, Тел. 4-82-85 и 5-28-71

ОТДЕЛЕНИЕ в ЛЕНИНГРАДЕ Ул. Ракова, 15, Тел. 2-15-43

